

М и л а М е н к а

ТАЙНА ЗАМКА БЕСБОРГ

М а р г и т

18+

Мила Менка

Тайна замка Бесборг

<https://litres.ru/74004638>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодая княжна Маргит прибыла в замок Бесборг не по своей воле. Её отец, князь Барко, желает спуститься в подвал замка, где он уже был однажды. Ради этого он готов пожертвовать счастьем своей дочери, которая вдвое моложе хозяина замка — графа Дьюлы Бартойи...

Содержание

Смотрины	4
Благородная невеста	14
Тайная комната	21
Происшествие в лесу	25
Лорна, жена мельника	37
Князь Барко	41
Укус змеи	47
Знахарка	52
Приворотное зелье	58
Камилла Штайн	66
Маргит	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Тайна замка Бесборг

Смотрины

За верную службу король пожаловал Дьюле Бартойе замок с окрестными деревнями, плодородные земли и титул графа. Его Величество почитал Бартойю другом — тот не раз доказывал свою преданность и однажды спас монарху жизнь.

Став знатным землевладельцем, Дьюла задумался о женитьбе. Вообще-то в родной деревне у него уже была жена. Но минуло одиннадцать лет, и Дьюла предпочёл забыть обо всём, что связывало его с прошлым. Родители его умерли ещё до похода, а Айна, как пить дать, нашла себе другого. Да и стара, наверное, стала. Ей, должно быть, около тридцати сейчас.

Самому графу было чуть больше. Он статен, высок и красив той мужской красотой, что заставляет учащённо биться женские сердца. От отца-северянина ему достался крепкий, выдержанный характер, а от матери-южанки — карие глаза и смуглая кожа.

По своему новому статусу графу надлежало взять в жены аристократку. Дьюла разослал гонцов к соседям, у которых были дочери на выданье.

Ответа он ждал два месяца, но так и не дождался.

Видно, герцоги и бароны сочли нового хозяина Бесборга

недостаточно знатным для своих дочерей. Конечно, Бартоя был осыпан королевскими милостями, но... нет в мире ничего изменчивее монаршей благосклонности. Сегодня Дьюла на коне, но что будет с ним завтра? У него не было самого главного — древней крови и связей, что составляют основу любой благородной династии.

Уяснив, что никто из соседей не заинтересован в его предложении, граф решил выбрать жену из местных девушек. Ну и что, что без рода и племени.

В конце концов, он и сам был сыном простолюдинки. Король вознёс его, даровав земли и титул графа. Теперь Дьюла волен создавать свою династию с чистого листа. Его жена станет графиней и родит ему наследника!

Наутро его оруженосец и верный помощник Раду, по прозвищу «Свистун», отправился оповестить всех подданных, что в последний день лета Его Милость, граф Дьюла Бартоя, новый хозяин Бесборга, ждёт в замке девушек от шестнадцати до двадцати лет. Он сам намерен выбрать себе невесту.

И в зажиточных крестьянских дворах, и в домах победнее эта весть вызвала переполох. Претенденток набралось несколько десятков. Накануне назначенного дня из редкой трубы не шёл дымок — почти в каждой семье топили баню, наряжали дочь-невесту, чтобы отправить её к графу. Едва занялась заря, к воротам замка потянулись крытые повозки.

При входе девушек встречал писарь, заносивший имя и

возраст каждой в особый свиток, после чего их пропускали в замок.

Крестьянка с широким лицом горячо спорила с писарем о своей дочери.

— Вы должны её пропустить, ей исполнилось шестнадцать! — кричала женщина. — Было сказано...

— Побойся Бога, этой девочке самое большое — двенадцать. Я сам отец, меня не обманешь! — возражал писарь. — Уходите, не задерживайте других!

— Держи, — крестьянка сунула ему монету. — Может, это заставит тебя прозреть! Моей дочке минуло шестнадцать!

— Если ты сейчас же не уберёшься, я кликну стражу, — пригрозил писарь.

Тётка, схватив и монету, и свою тщедушную дочь, ругая писаря на чём свет стоит, отправилась восвояси, сопровождаемая насмешками собравшихся поглазеть на невест графа зевак.

Бьянка, дочь мельника, выделялась среди девушек, явившихся попытать счастья, высоким ростом и белизной кожи. Отец баловал её и работать не заставлял. Он верил, что судьба будет благосклонна, и его дочь выйдет замуж за кого-то поважнее, чем он сам.

Претенденток собрали в южном крыле замка, в светлом зале, где был накрыт длинный узкий стол. Во главе его высилось старинное кресло с высокой спинкой, отделанное искус-

ной резьбой, — для хозяина. Оно скорее напоминало трон и пока пустовало.

Девушки, что побойчее, пытались занять места поближе к «трону». Несколько даже переругались, и четверых пришлось разнимать.

Красавицам было невдомёк, что из потайного укрытия за ними наблюдает сам граф.

Когда слуги уgomонили девиц и рассадили их, под звуки двух скрипок и рожка он наконец вошёл в зал. Девушки видели графа так близко впервые, и потому жадно разглядывали его, позабыв о приличиях.

Дьюла слегка кланялся направо и налево и с достоинством проследовал на своё место. Он уселся в кресло, а верный Раду встал рядом. Оруженосец был столь мал ростом, что ему не нужно было наклоняться, чтобы шепнуть что-либо хозяину на ухо.

Когда-то Раду был придворным шутком. Но настал день, когда он перестал справляться со своими обязанностями: шутки его стали несмешными, а взгляд — грустным.

Король отпустил его и взял вместо него настоящего карлика — с игрушечными ручками и ножками и таким лицом, один взгляд на которое уже вызывал смех.

Дьюла нанял Раду оруженосцем, чтобы тот не умер с голоду. Всё, что осталось от его прежних умений, — это особый свист, за который его и прозвали «Свистуном»: он мог изобразить любую птицу, хоть петуха, хоть соловья.

Дьюла ценил острый ум своего оруженосца и прислушивался к его советам — проживший большую часть жизни при королевском дворе, Раду имел бесценный опыт: разбирался в тонкостях придворных манер и интриг, в которых вчерашний солдат Дьюла был полным невеждой.

Сейчас бывший шут зорко следил за лицом господина, пытаясь угадать, кто из девушек пришёлся ему по душе.

Дьюла тоже без стеснения разглядывал прелестниц. Однако тех, кто сидел в конце стола, он видел плохо.

— Как быть с остальными? Я бы хотел видеть всех, — шепнул он помощнику.

— Не волнуйтесь, мой господин, — так же шёпотом отозвался Раду. — Каждая будет удостоена чести показать себя, и вы сможете рассмотреть их как следует!

— Может, не стоит всех? — Бартоя с тоской посмотрел на прыщавую и нескладную девицу, пытавшуюся строить ему глазки.

— Что вы, господин, так не пойдёт! Каждая из приглашённых должна иметь возможность проявить себя, — осмелился возразить Раду и добавил: — Уж поверьте моему придворному опыту!

— Ладно, — вздохнул Дьюла и вытянул опустевший кубок. — Вина!

— Позволю себе предостеречь вас, — наливая вино, прошептал Раду. — Сегодня вы решаете собственную судьбу. Лучше принимать решение ясным умом!

— Убирайся, — махнул рукой Дьюла.

Ещё находясь в тайном убежище, он обратил внимание на рослую красавицу с тонкой талией, пышным бюстом и роскошными льняными волосами. Сейчас его взгляд искал её.

Оруженосец, поняв, что перегнул палку, с виноватым видом отступил назад.

Когда трапеза была окончена, слуги унесли скамьи, на которых сидели приглашённые. Теперь девушки стояли, сбившись в стайки.

Сам граф переместился в главный зал, где стоял настоящий трон, на котором ещё недавно восседал сам король. Именно оттуда он провозгласил, что его друг Дьюла Бартойя — новый хозяин Бесборга.

Граф сел на трон и и распорядился приглашать девушек по одной.

Первой вошла та самая прыщавая девица.

Дьюла, едва скользнув по ней взглядом, хотел уже махнуть платком, но, увидев осуждение в глазах оруженосца (наглый малый уже проник в зал и стоял у трона), передумал:

— Назови себя, дитя. — подавляя зевок, спросил Дьюла.
— Откуда ты?

— Родители зовут меня Цветочек, — жеманно присела девушка. — Я живу на смолокурне, на том берегу Ёры. Мой батюшка...

— Сколько тебе лет? — перебил её Дьюла.

— Семнадцать! — радостно сообщила она.

— Хорошо, Цветочек, можешь идти, — махнул платком граф.

— Как? Совсем? — глаза девушки наполнились слезами.
— Я не пришлась вам по сердцу?

Дьюла посмотрел на Раду, глаза которого, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

— За этими дверьми ещё много девушек, — ласково сказал граф. — Мы должны уделить внимание всем, а уж потом решить... Пока что ступай, Цветочек.

Раду с облегчением присвистнул.

Следующую девицу звали Мара. Она была из деревушки Йовицы, что у леса, так и прозванного Йовицким.

Стройная, с чёрными, как смоль волосами, убранными в две косы, она скромно стояла перед Дьюлой и отвечала на его вопросы. Их было задано больше, чем предыдущей претендентке, из чего Раду сделал вывод, что у Мары есть надежда.

Однако, когда вошла двенадцатая девушка, Дьюла понял, что все они смешались у него в голове. Граф запомнил только первых трёх. Он поманил оруженосца и, когда тот подошёл, попросил привести рослую красавицу с льняными волосами.

Тот кивнул, и вскоре девушка предстала перед хозяином замка. Она не была навязчива, как Цветочек, но и скромницей, как Мара, не была. В отличие от черноволосой красавицы, она не опускала взор, и смотрела на графа без страха.

— Как твоё имя, прелестница? — голос Дьюлы звучал

мягче, чем прежде, и оруженосец мгновенно это уловил. Тем более, что ни одну из предыдущих претенденток хозяин так не называл.

— Бьянка, — девушка улыбнулась, и слегка присела, склонив хорошенькую головку чуть вбок.

— Сколько тебе лет, Бьянка? — Дьюла подошёл к ней совсем близко и, наклонив голову к её плечу, втянул воздух.

— Откуда ты такая?

— Шестнадцать, — голос её прозвучал, как колокольчик. — Я дочь мельника Яноша. Наш дом видно из окна Вашей Милости.

Она подошла к окну и посмотрела на Дьюлу.

Граф подошёл к ней, и она стала показывать куда-то вниз, где в зелени деревьев виднелись крыши домов.

— Где?

— Вон там, — её тонкий пальчик указывал направление.

Дьюле, чтобы увидеть дом, пришлось плотнее прижаться к бедру девушки. Он покраснел, ибо близость юного тела вызвала в нём жгучее желание. Но юная кокетка, вместо того чтобы отстраниться, повернулась к графу, и теперь он не видел ничего, кроме пары загорелых грудок, дразнивших его из-под безжалостной шнуровки корсета. Губы девушки приоткрылись, а глаза, напротив, смущённо опустились. Их прикрывали длинные ресницы.

Бьянка действовала точно так, как наказала ей мачеха, а уж та знала толк в оболыщении мужчин.

«Как только почувствуешь, что его плоть восстала, — наставляла падчерицу мельничиха, — не пугайся. Откройся ему навстречу!»

Не в силах совладать с собой, Дьюла впился в нежные губы девушки и, грубо притянув её к себе, застонал от наслаждения.

«Но не давай ему всё сразу, — звучал в голове Бьянки голос мачехи. — Он должен тебя захотеть, а потом добиваться. Бартоя — воин. Мужчина. Ему неинтересна лёгкая добыча».

Поддавшись поцелую, девушка казалась размякшей и податливой, но едва дрожащие руки Дьюлы принялись распутывать шнуровку её корсета, она ахнула и отстранилась.

— Я честная девушка! — прошептала она, поправляя сбившиеся из-под платка волосы. — Что вы о себе возомнили?

— Кажется, я нашёл себе невесту! — задыхаясь от страсти, возвестил Дьюла, повернувшись к оруженосцу.

Услышав эти слова, Бьянка порозовела от удовольствия. План мачехи сработал! Она станет хозяйкой Бесборга!

— Вы должны принять всех, милорд, — сдержанно поклонился Раду. — Таков порядок.

— К чёрту порядки! — прорычал Дьюла. — Я желаю, чтобы эта девушка стала моей женой как можно скорее!

— Нужно дать возможность остальным, чтобы избежать обид и кривотолков. Проявите мудрость и терпение, мой гос-

подин, — шепнул Дьюле на ухо бывший шут.

Граф нехотя согласился.

Раду подошёл к улыбающейся Бьянке, взял её под руку и повёл к двери.

— Ступай домой, милая. Мы известим о решении его милости, — прошептал он ей.

У двери Бьянка обернулась и дерзко взглянула на Дьюлу. Тот немного успокоился, но взгляд его всё ещё пылал. Потом девушка окатила ледяным взглядом оруженосца.

«Противный недомерок, — подумала она. — И чего это граф его так слушается? Ну, ничего, когда я стану тут хозяйкой, первым делом отправлю коротышку в бродячий цирк».

В отличном настроении она покинула залу и, свысока окинув взглядом девушек, ожидавших своей очереди, поспешила домой, чтобы рассказать отцу с мачехой об успехе.

Благородная невеста

Граф со скучающим лицом смотрел на очередную невесту. Все девушки, под конец казались ему на одно лицо. Дьюла подложил ладонь под щёку.

— Потерпите господин, — шепнул ему оруженосец, — их осталось всего две!

— Что за наказанье! — ничуть не стесняясь девушки, воскликнул Дьюла. — уже начинает темнеть!

Вдруг со стороны улицы раздался звук сигнального рога. Дьюла вместе с оруженосцем бросились к окнам, поглядеть, что за шум.

У ворот замка стояла карета с гербом дворянского дома Барко.

— Что за дьявол? — пробормотал себе под нос Дьюла, — иди-ка узнай, что к чему, Свистун.

Раду пошёл, но чуть не был сбит дверью, которая с силой распахнулась, впустив дородного охранника.

— Мой господин, — поклонился великан, — там, у ворот посланник князя Вогарда Барко! И с ним, прошу прощенья, две дамы!

— Что за дамы? — оживился оруженосец, — благородных кровей?

— Та, что моложе, называет себя княжной Маргит, — поклонился охранник.

— Так что-же ты, баранья башка, заставляешь ждать именитых гостей? — воскликнул Дьюла. — сейчас же веди их сюда! Раду, — обратился он к оруженосцу, — мигом беги на кухню, и распорядись, чтобы накрыли стол в малой зале! И растопите там камин!

— А что же делать с теми двумя? — робко напомнил оруженосец, кивнув в сторону двери, — порядок требует...

— Проводи. Извинись. Дай денег наконец! — Дьюла ходил взад-вперёд, ероша волосы, — избавься от них любой ценой!

— Но, господин... их всего две! — сложил руки на груди Раду.

— Я отдал приказ! Исполни! — рыкнул на него Бартойя. — меня ждут гости поважнее!

Когда камин в малой зале был разожжён, посланника князя Барко и молодую княжну проводили туда. Едва они расселись на приготовленные для них почетные места, в дверях показался богато одетый человек преклонных лет.

— Дорогие гости, — изысканно поклонился он гостям. — Прошу вас, располагайтесь!

При взгляде на него, лицо молодой княжны несколько раз изменилось. Она приняла старого кастеляна за господина. Виною всему была толстая золоченая цепь церемониймейстера на его шее.

Девушка что-то шепнула своему спутнику и они разместились за широким дубовым столом, на котором, как по

волшебству, стали возникать блюда с жареной дичью и кувшины с вином.

— Хозяин замка Бесборг и окрестных земель, Его Милость, граф Дьюла Бартойя! — торжественно объявил кастелян.

Молодая гостья с облегчением выдохнула и обратила взор на дверной проём, в котором появился мужской силуэт.

Её спутник поспешно встал, приложил руку к груди и низко склонил голову в знак особого уважения. Княжна осталась сидеть, она лишь слегка склонила голову. Дьюла подошёл к ним, не сводя глаз с юного свежего личика Маргит.

— Рад приветствовать у себя в замке столь благородную особу, — граф, взял руку девушки и приложил к губам, после чего обратился к её спутнику: — вы проездом?

— Нет, Ваша Милость. Мы с деликатной миссией, — поклонился посланник, — если угодно, я ...

— Нет, нет, молчите! Сначала воздадим должное ужину, — Дьюла лично усадил посланника за стол, не дав договорить. Это несколько противоречило этикету, но присутствующие сделали вид, что не заметили.

Сам граф сел на противоположную часть стола, и оттуда исподволь поглядывал на гостью. Это крестьянских девушек можно пожирать глазами, а здесь надобно соблюдать этикет. Приличия. Дьюла ненавидел все эти условности, он был человек простой, военный. Но из уважения к гостям, и к Вогарду Барко, он старался держать себя в рамках. Смотрины

отняли у него уйму сил, и он здорово проголодался. Но желая понравиться госте, он ел не руками, как обычно, а с помощью вилки и ножа — по новой моде.

Щёлкнув пальцами, чтобы наполнили кубки, хозяин дождался, когда юный виночерпий справится с этим делом, после чего провозгласил тост:

— За прекрасную гостью!

Он успел разглядеть Маргит. Княжна и впрямь была хороша собой: высокий чистый лоб, большие голубые глаза, каштановые волосы... она напоминала фею из сказок, которые Дьюле в детстве рассказывала его матушка.

После трапезы посланник, поклонившись, вручил графу свиток.

— Что там? — поинтересовался Бартойя.

Ему было стыдно признаться, что, в отличие от старой знати, он, новая знать, был неграмотен. Но, похоже, посланник не допускал такой мысли, и решил, что графу просто лень утруждать себя чтением. Поэтому он сам развернул его и прочёл:

— «Его Милость, князь Вогард Барко, жалует вам в жёны свою дочь, Маргит!»! — он кашлянул, и добавил от себя: — сам князь в преклонных летах, и надеется как можно скорее увидеть внуков!

— Да, нам известно, что наследник рода Барко сложил голову в неравном бою, — проговорил Дьюла, — передайте князю мои сожаления по этому поводу.

— В этом нет нужды, — отозвался посланник, — как только вы подтвердите своё намерение жениться на Маргит, я извещу князя. И, самое большое через три недели его Милость с небольшой свитой будет здесь, чтобы присутствовать на вашей свадьбе.

— Прекрасно, — поднял свой кубок Дьюла.

Его взгляд ласкал нежную шею юной княжны, рукам не терпелось ощутить прохладу её волос, а при мысли о том, что он станет законным мужем особы дворянских кровей, поднимала не только дух.

Слуги графа приготовили Маргит комнату в тёплом крыле замка, недалеко от покоев самого Дьюлы. Княжна пожелала, чтобы с ней ночевала и её служанка, Роза, и её желание было удовлетворено — в комнате установили дополнительную кровать. Роза была на десяток лет старше своей госпожи, та знала её с самого детства, и относилась к ней очень тепло. А сейчас, оказавшись в чужом доме и подавно, не хотела отпускать её от себя ни на шаг.

— Ну, как вам барон? — спросила Роза свою госпожу, аккуратно расчёсывая перед сном её волосы.

— Он не барон, — глядя на канделябр с дюжиной горящих свечей, ответила Маргит, — всего лишь, граф.

— Ну, так как вам граф? — Роза принялась заплетать волосы госпожи в косу.

— Он... — Маргит наклонила голову, — он слишком дик и неотёсан. К тому же, необразован.

— В мужчине это не главное! — уверенно заявила Роза,
— уж поверьте!

В этот самый момент, Дьюла отпрянул от отверстия, проделанного в стене смежной комнаты, и позволявшего ему наблюдать спину служанки и слышать разговор. Лицо его горело, кулаки сжимались.

Ему было любопытно узнать, что думает о нём княжна, и ему не понравилось то, что он услышал! «Дик! Неотёсан! Необразован! — да что она о себе возомнила!»

Он снова припал к отверстию, пытаясь успокоить дыхание:

— А что же тогда главное? — спросила Маргит.

— Чтобы ласковый был, — мечтательно вздохнула Роза,
— как мой Симон. Такой был золотой человек!

Голос служанки задрожал и Маргит принялась её успокаивать:

— Не огорчайся, Роза! Быть может здесь, в Бесборге, ты найдёшь своё счастье!

— Нет-нет, госпожа, не найду. Такого, как мой Симон, не сыскать по всей земле! Теперь я смиренно буду ждать встречи с ним на небесах!

Дьюла снова отпрянул от стены. Откровения служанки были ему неинтересны. Княжна задела его за живое. Ему захотелось ворваться к надменной девчонке, схватить её за руки, выволочь наружу и запихнуть в карету, чтобы отправить

назад, к её знатному папаше!

Но он сдержался. Ведь тогда ему пришлось бы признаться, что он подслушивал...

К тому же, он вспомнил, как девушка смотрела на него. Вспомнил, как порозовела, когда он невзначай коснулся её руки.

«Ты будешь моей»! — поклялся Дьюла, — «и, чёрт меня дери, если ты не влюбишься в меня, как кошка».

Тайная комната

Вернувшись к себе, Дьюла не раздеваясь, лёг на кровать, но не смог заснуть. Он вообразил, какой будет его первая брачная ночь со знатной девушкой?

Будучи солдатом, он часто принуждал к любви благородных девушек и женщин. Была среди них и невинная, почти девочка. Она особенно запомнилась ему.

Дьюла первым ворвался в дом её отца. Быстро и бесшумно он отразил нападение двух мужчин, которые бросились на него, как только он вошёл — это был сам хозяин дома и его сын. Они, вероятно, заметили, как он пересекал двор.

Сына Дьюла убил одним ударом, а сам вельможа, ещё что-то пытался сказать, зажимая смертельную рану на шее, из которой, сквозь пальцы бежала кровь.

Дьюла решил, что старик просит прекратить его мучения, и обезглавил его ударом меча, считая, что оказал ему милость.

Ошавев от крови, Бартойя бросился по дому в поисках богатой поживы.

Юная красавица была застигнута врасплох. Она сидела, поджав ноги, на матрасе, среди атласных подушек, и вертела в руках какую-то женскую безделицу — кажется, это была тюбетейка, которую она придирчиво рассматривала.

Несколько секунд она смотрела на Дьюлу, а он на неё. Де-

вочка дёрнулась в сторону окна, но Дьюла оказался проворнее и схватив её за руку, с силой бросил обратно, на матрас. Дьюла удивился, что она не плакала и не просила о пощаде, как прочие его жертвы. Она лишь сопела, глядя на него с ненавистью дикой кошки.

Пока он рвал на ней многочисленные одежды, она сопротивлялась, как тигрица, но когда поняла, что он всё равно её возьмёт, умудрилась проглотить яд прежде, чем его горячее «копье» ворвалось в её узкое, девственное лоно.

Яд был спрятан в одной из ярких подушек. Девушка прекратила сопротивление, обманув Дьюлу, который решил, что она покорилась судьбе. Пока он пытался войти в неё, ему пришлось отпустить её руки и она молниеносным движением выхватила маленький шарик и проглотила его. Дьюла был слишком занят, чтобы заметить это. Любуясь, гладил он её упругие бедра и шептал, как умел, грубые комплименты.

— Прими меня, — шептал он, не подозревая, что яд уже начал своё действие.

Кончая, он смотрел в её такие прекрасные, гаснущие глаза. Всё закончилось очень быстро. Дьюла хотел поцеловать её на прощанье, но тут увидел кровавую пену на побелевших губах.

Глаза девочки были полуоткрыты. Дьюла закрыл их, но её взгляд остался с ним навсегда.

Он вспоминал её живой и часто фантазировал, представляя себе её благосклонность. И сейчас, вспомнив о ней, он

почувствовал сильное возбуждение. Из его покоев был потайной вход в подвал.

Дьюла взял свечной светильник и спустился вниз, в разветвлённый подземный коридор, где в одной из ниш был искусно замаскирован вход в тайную комнату.

Там, на деревянном топчане, лежали расшитые золотом шаровары юной персиянки, её платок и порванная туника. Дьюла сгрёб всё это и поднёс к лицу, после чего снова аккуратно разложил на топчане.

Он снял с себя кожаный широкий ремень, развязал штаны и после нескольких энергичных движений рукой излил на шаровары мощный поток семени. Ему показалось, что где-то рядом раздался звонкий, нежный смешок.

Дьюла прислушался. Показалось?

«Кто здесь»? — негромко спросил он, и ему показалось, что свеча в лампе зачатила. Застегнув ремень, Дьюла сел на топчан. Пламя давало причудливый отсвет на одну из стен, две другие тонули во мраке.

О комнате, скрытой среди ниш, Дьюла узнал случайно: обнаружил в ящике старого стола план подвала. Вновь нанятая прислуга скорее всего не знала о комнате, и уж точно не посмела бы проникнуть внутрь. Возможно, о комнате знал старик Виль, церемониймейстер — он служил ещё прежнему хозяину, до того, как тот обезумел и прогнал всех слуг.

Первый раз оказавшись в комнате, Бартойя увидел множество старинных предметов: там были сундуки с истлевшей

одеждой, какие-то колбы, слитки металлов, непонятные порошки и прочий хлам.

Старый замок пришлось заменить — у графа не было ключа. Теперь комната запиралась на новый — ключ от него был только у Дьюлы. Даже его любимец Раду не имел возможности проникнуть в тайную комнату в отсутствие господина, и мог только догадываться, что там.

Дьюла распорядился убрать всё, оставив внутри лишь стол. Туда же принесли топчан, где он впоследствии разложил одежду девушки. Ту самую одежду, которую рвал в животном стремлении скорейшего обладания.

Перед тем, как покинуть дом вельможи с награбленным, Дьюла снял с девушки одежду и положил в мешок, к остальной добыче — золотым побрякушкам и книге.

Затем он с уважением обрядил совершенное тело покойницы в чистую, длинную рубаху. Сложил ей руки на груди и поцеловав в лоб, поднёс к её атласному ложу факел.

Когда войско покидало город, дом вельможи пылал, как погребальный костёр.

Происшествие в лесу

Граф уснул только под утро, как раз, когда старый слуга выпустил птиц со стены замка. Возможно, все три доберутся до голубятни старинного поместья Барко. А возможно, и не одна, но такое случалось нечасто.

Птицы должны известить отца Маргит о том, что граф Дьюла Бартойя сочетается с его дочерью законным браком. Свадьба состоится не ранее, чем князь прибудет в Бесборг.

Известие о женитьбе Дьюлы на юной наследнице рода Барко раскатилось, подобно волне, и достигнув соседних земель, тут же вынудило знатных соседей отправиться в замок, чтобы нанести визит Бартойе и его невесте, отметить помолвку и получить приглашение на свадьбу.

Но, основной целью, конечно, было лишь любопытство — всем хотелось взглянуть на Маргит, невесту хозяина Бесборга.

В ожидании князя тянулись дни. Граф показывал невесте свои владения и даже устроил в её честь охоту. Проезжая со свитой мимо деревни, он увидел стоявшую у дороги юную красавицу с льняными волосами. Это была Бьянка.

В сердце шевельнулось что-то вроде сожаления, что он обманул надежды девушки. Но теперь рядом с ним, на белой кобыле ехала юная княжна Маргит. Её гордая осанка говорила о том, что именно она достойная хозяйка замка Бесборг.

В ней ощущалась стать и благородство. И граф отвернулся от дочери мельника, сделав вид, что не признал её.

Бьянка плюнула вслед охотникам и побежала к дому. Вслед ей неслись насмешки деревенских. Что ж, она сама виновата: разболтала всем, что Дьюла Бартойя вот-вот прийдёт за ней свадебную карету.

Поговаривали, что мачеха Бьянки не брезгует колдовством. Но в данный момент она ничем не могла помочь своей падчерице, и деревенские насмешники с удовольствием шутили и на этот счёт.

Тем временем, началась охота. После второго неудачного загона, охотники, во главе с Дьюлой решили передохнуть. На выбранной поляне поставили шатры, расстелили ковры, а на них разместили корзины с фруктами, сырами, хлебом и всякой другой снедью.

Дьюла, увлекшись преследованиями косули, оставил часть своей свиты, среди которой была и его невеста, позади, и вернувшись, стал высматривать Маргит среди подъезжающих всадников. Но молодой княжны не было видно. Дьюла подозвал оруженосца.

— Эй, Свистун! Почему я не вижу своей невесты? Где Маргит?

— Я тоже не видел её, господин, — озабоченно произнёс Раду, — вот, разве что Яноша спросить. Он, как мне известно, ехал последним.

— Какого Яноша? Мельника? — вскричал Дьюла, и схва-

тив оруженосца за камзол, оторвал его от земли, — спрашивай кого хочешь, но найди мне княжну!

Однако и подъехавший Янош не смог ответить, куда подевалась Маргит. Почесав бороду, мельник лишь вспомнил, что княжна уехала вперёд, и с тех пор он её не видел.

Только что ясное, приветливое небо затянули тучи. Погода стремительно портилась. Свита, не смея приступить к трапезе прежде, чем это сделает хозяин, толклась возле разложенной снеди, глотая слюнки.

Знатные дамы, жёны высокородных соседей, слетевшиеся в Бесборг выразить своё почтение Бартоئے и его невесте, обсуждали пропавшую княжну. Они были недовольны. Маргит показалась им слишком высокомерной, а теперь ещё и стала причиной задержки обеда!

На самом деле, соседские жёны просто завидовали девушке, её молодости и красоте. К тому же, её будущий муж был на хорошем счету у короля — тот высоко ценил заслуги графа, щедро одарил, и называл не иначе, как «мой друг».

— Эй, нам нужно возвращаться в замок! — крикнула Камилла, вдова барона Штайна.

— Да! Только поглядите, какие тучи! — кутаясь в ентовую накидку, посмотрела в небо графиня Анна. — эдак недолго и простудиться! Едва ли мы успеем вернуться в Бесборг до дождя!

— Вот и я говорю, — закивала баронесса Штайн. — надо поспешить, если хотим добраться до Бесборга прежде, чем

начнётся буря! Отобедаем в замке!

Она очень сожалела, что Дьюла Бартойя не достался её подруге Анне. Графиня также, как и сама баронесса, была вдовой, и со смертью мужа утратила влияние при дворе. Все, кроме Камиллы, покинули её.

Бартойя и Анна чудесно могли бы дополнить друг друга: у Анны подрастали дети от благородного супруга, которым бы не помешала протекция Дьюлы. Пока он в фаворе, он мог бы и саму Анну вернуть ко двору!

Вместо этого, Бартойя покусился на девчонку Барко, которая выйдя за него, понизит свой статус, став графиней, и будет рожать детей не от какого-нибудь герцога или князя, а от бывшего солдафона! Ах, куда катится мир!

Камилла улыбалась невесте графа, но в душе не понимала её. Она не знала, что решение о свадьбе Маргит было принято без её княжны. Она всего лишь подчинилась воле своего отца — Вогарда Барко.

А сейчас баронесса малодушно представляла себе, как княжна заблудилась, или стала добычей разбойников. Она мечтала, что Маргит не вернётся, и тогда её подруга Анна сможет попытать счастья.

Граф стоял на фоне грозного неба, как бог войны. Ветер трепал его старый солдатский плащ, который он никак не желал сменить на более нарядный, соответствующий его положению.

— Господин, вам надлежит принять решение, — склонил голову оруженосец. — Гости проголодались. Кроме того, надвигается гроза. Нужно возвращаться в замок!

— Коня! — исподлобья посмотрел на него граф.

Больше не сказав ни слова, и не обращая на зароптавшую свиту никакого внимания, Дюла, как только ему подвели коня, вскочил в седло и ускакал в лес.

Становилось всё темнее, подул холодный ветер.

— Совсем потерял голову из-за этой девчонки Барко, — хмыкнула баронесса Штайн, как только Дюла скрылся из виду. — Мы с графиней возвращаемся, не так ли, Анна?

Та с тоской посмотрела на грозящие взлететь в тёмное небо шатры, и кивнула.

— Конечно, это разумнее всего!

Ни одна из дворянок, прибывших на помолвку графа с княжной, не могла себе представить ужаса, который испытала Маргит, обнаружив себя среди тёмного, высокого леса.

Белая кобыла Облачко споткнулась, и молодая княжна не удержалась в седле. Она упала с лошади прямо в изумрудный мох, смягчивший удар.

Маргит очнулась не сразу, а открыв глаза, попыталась подняться. В голове шумело, болела нога. Девушка в ужасе оглядывалась по сторонам — обступившие со всех сторон деревья пугали её. Лошади нигде не было видно.

— Облачко! — крикнула княжна, приложив ладони ко рту — я здесь!

И вдруг, о чудо! Вдалеке слабо послышалось лошадиное ржание.

«Облачко»! — обрадовалась Маргит и поспешила на звук. Прихрамывая на одну ногу, она шла напрямки, не думая о том, что жёсткие, колючие кусты царапают её охотничий костюм, за который её отец, князь Барко отдал немалые деньги.

Княжне нечасто удавалось бывать в диком лесу, она выросла в местности, где основное пространство составляли обширные пастбища, раскинувшиеся у рек. Деревья если и росли, то в основном, это были берёзы, ивы и клёны — светлые, родные.

А сейчас её окружал хвойный бор. Ветви огромных елей и сосен царапали хмурое небо, и почти не пропускали свет, что было очень по душе росшему на земле папоротнику.

Вдруг Маргит остановилась. Она больше не слышала ничего, кроме скрипа старых деревьев, напоминавший злое смех. Страх сковал юную княжну.

— Облачко! — отчаявшись, крикнула она. — Облачко, где ты?

Вдруг справа неё дёрнулся папоротник, словно под ним кто-то был. Маргит повернулась, но тут же движение повторилось слева. Словно в кустах папоротника шевелилось что-то огромное, страшное.

— Кто здесь? — произнесла она, мертвея от ужаса.

Воображение рисовало ей огромного змея, которого скрывают заросли. Она не видит, но он возможно, уже сжи-

мает вокруг неё своё смертельное кольцо.

Вдруг взгляд её заметил фигуру. Вдалеке стоял человек и смотрел прямо на неё. Ей было не видно его лица – он стоял на приличном расстоянии.

Маргит хотела крикнуть ему, но сзади услышала шум и треск веток. Она обернулась. К ней, сквозь заросли, пробирался её жених, Дьюла Бартойя.

— Маргит, — сказал он, оказавшись рядом, — наконец-то я обнаружил вас!

Граф казался испуганным. От нервного напряжения она бросилась ему на грудь и разрыдалась.

— Боже, здесь так страшно... и Облачко пропала! Я упала, а потом... наверное, она у того человека!

— Какого? Где? — Дьюла посмотрел в направлении, куда указывал дрожащий палец девушки. Но там уже никого не было.

— Исчез, — прошептала девушка, — но, ведь вы верите мне, граф?

— Я нашёл вашу накидку, — сказал он, — там, где вы упали. Ещё я нашёл верёвку. Облачко споткнулась не просто так!

— Они украли её!

— Возможно, это были разбойники! Но почему не тронули вас? Ведь вы куда более ценная добыча, моя дорогая, чем какая-то кобыла!

Бледное лицо девушки начало розоветь.

— Я так благодарна, что вы спасли меня, граф!

Дьюла взял княжну на руки и понёс туда, где привязал своего коня. Посадив её верхом, граф ловко взобрался позади неё. Соседство Маргит было волнительно настолько, что ему, чтобы себя не выдать, пришлось вызвать в памяти увядшие прелести баронессы Штайн, которая упрямо продолжала выставлять их напоказ.

Дьюла был опытный воин и превосходный следопыт. Он распознал засаду и прекрасно понимая, что устроившие её разбойники могут находиться поблизости, погнал коня во весь опор, так быстро, насколько это возможно с двумя всадниками.

Зашумела листва. Начался сильный дождь, но кроны деревьев сдерживали напор воды. Всю мощь стихии всадники ощутили, когда выехали из леса.

По прибытию в замок, Дьюла распорядился разжечь камин в комнате своей невесты. Обычно топили только зимой, но бедняжка так продрогла, что зубы стучали.

Когда служанка, накрыв Маргит одеялом, проводила её мимо комнаты, где прочие гости развлекали себя карточными играми, несколько дам вышли поглазеть на княжну.

— Ну и где же вы пропадали, милая? — подбоченясь, спросила баронесса Штайн, и незаметно подмигнула своей подруге Анне.

— Я заблудилась, — стуча зубами, ответила Маргит, —

а после упала.

— Как упала? Неужели с лошади? — радостно воскликнула баронесса, — вам повезло, милая, что вы после этого можете идти своими ногами!

— Да, Камилла права, — закивала Анна, — мой бедный муж, например, так и не оправился после того, как упал с лошади. Так и скончался на третий день, бедняжка!

Она порывисто перекрестилась и уставилась на Маргит. Но княжна, поддерживаемая Розой, продолжила путь в свою комнату, не удостоив Анну ответом.

В комнате было тепло, но не душно. Цветы, срезанные накануне по распоряжению графа, распространяли нежный аромат. Кроме камина освещение давало пятнадцать свечей, их свет отражало и старинное напольное зеркало.

Девушка забралась под одеяло и натянула его до самого носа. Едва Роза вышла, чтобы принести хозяйке горячего грога, как в дверь постучали и вошёл граф.

Он успел переодеться, но волосы его всё ещё были влажными: он так же, как и Маргит, промок до нитки.

— Как вы себя чувствуете, Маргит? Позволите? — спросил он, присаживаясь на краешек кровати.

— Я очень замёрзла и устала. А ещё мне жаль Облачко, — ответила княжна. — как она там, бедная, в лесу?

— Я должен спросить вас, — Дьюла понизил голос, — не сочтите меня невежливым... с вами всё в порядке? Я хотел

узнать, не нужен ли вам лекарь?

— Почему вы спрашиваете? — в её голосе послышалась обида. — я плохо выгляжу?

— Что вы! Нет! — воскликнул Дьюла, — просто вы упали с лошади, и прихрамываете. Я подумал... может быть, что-то вас беспокоит? В замке есть лекарь, я хотел распорядиться, чтобы он осмотрел вашу ногу.

— Нет-нет. Я в порядке, просто ушиблась немного, — за-верила графа Маргит. Ей было приятно его беспокойство. — Ещё я устала и голова кружится. Но это пройдёт, нужно просто отдохнуть.

— Тогда славно, — улыбнулся Дьюла, — отдохайте, дорогая! Завтра я покажу вам нечто особенное! Доброй ночи!

— Доброй ночи, граф, — сказала она прежде, чем он аккуратно прикрыл за собой дверь.

Вскоре вернулась Роза, принесла грог.

— Выпейте, вам станет легче, — сказала она, подавая своей госпоже стакан тёмной жидкости. — я сама приготовила его! Здесь никому нельзя доверять!

— Почему ты так думаешь? — спросила Маргит, взяв стакан.

Служанка замаялась, прежде чем ответить.

— Я слышала, как слуги баронессы Штайн обсуждали вас. Мне совсем не понравились их шутки, — опустив глаза, молвила служанка.

— Да наплевать, что думают чьи-то слуги, — княжна сделала глоток тёплого грога и прикрыла глаза.

В её голове всё ещё звучал голос Бартои: «с вами всё в порядке? Не нужен ли вам лекарь?»

— Если они позволяют себе такие разговоры насчёт Вашей Милости, значит, слышали дурное от своей хозяйки, баронессы! — уверенно заявила Роза. — Так или иначе, вам надобно держать ухо востро!

— Не волнуйся за меня, Роза, — Маргит допила грог и вернула ей стакан, — мы здесь под защитой хозяина замка!

— Вы больше не считаете его мужланом? — потупилась служанка.

— Нет... пока он ведёт себя, как благородный рыцарь, — Маргит опустилась на подушку и закрыла глаза.

Жаль, что в этот раз Дьюла не подслушал разговор. Они с Раду обсуждали, кто и с какой целью устроил в лесу засаду на княжну, и пришли к выводу, что скорее всего, это были местные разбойники, желавшие похитить знатную даму с целью выкупа. Дьюла спугнул их.

Утром местный крестьянин привёл к воротам замка белую кобылу. Она зашла в его огород, где он выращивал капусту и прочие овощи. Сначала крестьянин хотел оставить лошадь себе, но заметив на ней дорогую сбрую, не рискнул и отвёл в замок.

Раду тотчас доложил об этом хозяину, и тот распорядился наградить честного крестьянина. Облачко отправили на

КОНЮШНЮ.

Лорна, жена мельника

Попав в дом Яноша впервые, она вела себя тихо и очень скромно. Мельник взял её, чужестранку, в свой дом, польстившись на яркую красоту. За еду и кров Лорна согласилась стряпать и приглядывать за Бьянкой, маленькой дочкой мельника. Мать девочки в то время год, как скончалась от водяной болезни.

Как и следовало ожидать, положение прислуги быстро наскучило Лорне. Она отлично понимала, что просто соблазнить мельника недостаточно. Он просто станет использовать её не только как прислугу, но и как бесплатную любовницу. Поэтому Лорна не спешила испытывать на Яноше свои женские чары, и пресекала все его намёки на близость. До поры, до времени.

«Тут нужно средство помощнее, нежели простое соитие» думала хитрая женщина. Она решила применить любовное зелье, чтобы мельник стал её слугой, а не наоборот.

На Иванов день люди сказывали, что Лорну видели одновременно в нескольких местах — на старом кладбище, на реке за мельницей и по дороге в Клевец, где по слухам, жил чернокнижник, торгующий всякой мерзостью — от «верёвок висельников» до драконьей крови, хотя последнего дракона, по слухам, убили пятьсот лет назад.

Может и брешут сплетники, но правда в том, что очень

скоро мельник стал сам не свой. Перестал посещать таверну «Лежбище кабана», где обычно собирались все мужчины окрестных деревень. Ходил смурной, как тень. А потом люди узнали, что прислужница мельника стала его женой.

Оттого ли, что Яношу стало стыдно, а может просто прижимистый мельник хотел сэкономить, но свадьбы не было, что очень расстроило местных пьяниц.

Но мельничиха раздражала не только их: она дерзила мужу и перечила на глазах у добрых людей, что снискало ей славу склочницы. Несмотря на то, что Янош буквально вытащил её из грязи, она позволяла себе насмехаться над ним.

Через несколько лет Бьянка, дочь мельника, выросла и стала настоящей красавицей. Девушка восхищалась мачехой и хоть ей иной раз было обидно за отца, она не защищала его, чувствуя, что идти поперёк воли Лорны — себе дороже.

Янош за десять лет состарился, а вот Лорна, напротив, похорошела и расцвела. Она не постарела ни на год, и выглядела старшей сестрой своей падчерицы Бьянки.

Именно в то время в Бесборг въехал конный отряд Его Величества, короля Иштвана Седьмого. По правую руку монарха на вороном жеребце в богатой сбруе восседал королевский фаворит, Дюла Бартойя, прошедший путь от простого солдата до командующего.

К тому времени замок не успели разорить дотла — его прежний хозяин, барон Хельмо, исчез за несколько месяцев до окончания войны. Король счёл барона предателем и объ-

явил, что отныне именно Дьюла Бартойя является полно-властным хозяином здешних земель, и, в частности, замка.

Пожаловать титул барона король Дьюле не мог — таковы были законы. И король сделал своего любимца графом. Тот был и тому несказанно рад.

Когда спустя время Бартойя объявил, что желает сам выбрать себе невесту из своих подданных, Бьянка нисколько не сомневалась, что он выберет её. Мачеха умело подпитывала эту уверенность, и учила девушку всяким дамским штучкам и увёрткам, которые помогли бы ей не только обратить на себя внимание, но и разжечь в груди мужчины страсть.

Бьянка наивно полагала, что мачеха желает ей счастья, наставляя соблазнить Бартойю. Она и подумать не могла, что Лорна всего лишь хочет использовать её, как средство достижения цели. Мачеха и сама была молода. И мечтала о власти. Мельника ей стало мало — она мечтала стать сначала хозяйкой Бесборга, а там, глядишь, и королевой .

— Дитя моё, — отправляя девушку в замок, нашептывала падчерице Лорна, — ты, несомненно, прекраснейшая из всех! Дьюла будет твой, только не забывай, чему я тебя учила, и сделай всё в точности!

— Да, матушка, — щёки девушки заливал румянец, — сделаю всё так, как вы наказали!

При слове «матушка» Лорна отворачивалась, чтобы падчерица не видела, как искажается злобой её красивое лицо. После она поворачивалась и протягивала девушке крошеч-

ный флакончик духов, одна капля которых стоила, как мешок овечьей шерсти.

— К сожалению, природной прелести бывает недостаточно, чтобы завоевать мужчину. — вручая Бьянке духи, шептала мачеха.

Отправив падчерицу в замок, на смотрины, она почти не сомневалась, что девушке удастся покорить графа. Став его невестой, Бьянка откроет ей двери замка, а дальше Лорна своего не упустит!

Потом Бьянка тихо исчезнет, может, умрёт от загадочной болезни, а может, граф остынет к ней и сошлёт с глаз подальше... Этого Лорна пока не решила.

Благодаря золоту мужа, мельничиха могла позволить себе покупать красивую одежду и прочие вещи, с которыми и дурнушка станет красавицей... а уж перед красавицей, владеющей чёрной магией, ни один мужчина не устоит!

Появившаяся княжна нарушила её планы, и Лорна была вне себя от ярости. Маргит должна умереть! Подобно змее, Лорна затаилась и ждала подходящего момента.

Князь Барко

Вогард Барко — полный человек, с аккуратно подстриженной бородой и красным лицом, с недавних пор оплакивал сына. Освальд погиб в том самом бою, где отличился отвагой Дьюла Бартойя, спасший от верной смерти самого короля.

Кроме сына у князя была дочь, Маргит. Но он не возлагал на неё особых надежд: дочери, в конце концов, всегда будут принадлежать мужьям, а не отцам. Так было до того, как погиб Освальд. Но теперь, Маргит стала ключом к будущему. Она теперь надежда рода Барко.

Вогард не просто так решил выдать свою единственную дочь за этого выскочку Бартойю. Его интересовал замок, вернее то, что скрывали его сырые подвалы.

Дело в том, что будучи ещё достаточно молодым, князь водил дружбу с истинным владельцем Бесборга, бароном Хельмо Бесборгом.

— Вот что, друг мой Барко, — шептал барон, потчuya молодого Вогарда крепким элем из своих погребов. — у меня есть секрет. Только ты пообещай, что никому не расскажешь!

— Можешь на меня положиться, Хельмо. Я буду нем, как эта рыба! — захмелевший Вогард воткнул двузубую вилку в большую рыбу, выложенную на блюде и украшенную зеле-

ню и пряными травами.

— Ты смеёшься, — укоризненно посмотрел на гостя барон, — думаешь, что я пьян? Вставай-ка, увидишь всё своими глазами!

— Ладно, — Вогард легко поднялся. В ту пору он был строен и силён. — Куда идём?

— В подвал, — махнул рукою Хельмо. — я покажу тебе настоящее чудо!

Вдвоём, сопровождаемые лишь немым слугой, они спустились по узкой каменной лестнице. Слуга, шедший впереди, освещал им путь факелом. От него он зажёл светильники, что стояли по периметру небольшого помещения, в котором они в конце концов оказались.

Три стены были выложены горной породой, напоминающей ракушечник, однако более твёрдой. А одна стена была абсолютно гладкой, словно высеченной из цельного камня. На ней было изображение невиданного чудовища, не поддающегося описанию: оно выглядело, как рогатый дракон, с хвостом скорпиона. С острых змеиных зубов сочился яд, три пары глаз смотрели на вошедших со свирепостью, и казалось, что огонь светильников отражается в них. Чудовище было таким страшным и похожим на настоящее, что Вогард сразу протрезвел.

— Что это? — еле слышно спросил он у хозяина замка.

— Это Химера, — голос Хельмо прозвучал торжественно.

— Она способна исполнить желание, но... только одно.

Вогард подошёл к нарисованной голове чудовища и протянул руку, но Хельмо успел предупредить, чтобы он не касался её:

— Нет! Барко, друг мой, не делай этого! Прикасаюсь нужно только, когда будешь готов загадать желание. Второй попытки не будет...

— А ты... ты загадал? — дрожащим от возбуждения голосом спросил у друга Вогард.

— Увы, да, — кивнул барон. — Поэтому и привёл тебя сюда, чтобы ты загадал то, о чём я тебя попрошу.

— Как так? — удивился князь, у меня же может быть своё желание, почему я должен загадывать твоё? Ты своё загадал! Кстати, что это было?

— Богатство! — поднял руки вверх Хельмо, — я потратил своё желание на него! Но я не смог в полной мере насладиться им — потому что, как ты знаешь, три месяца назад умерла моя обожаемая жена Кая.

— Это печально, друг, — опустил голову Вогард, — и что ты хотел попросить в этот раз?

— Я хочу, чтобы Химера воскресила её, — губы барона растянулись в жалкой улыбке. Хельмо смотрел на Вогарда не мигая, и тому показалось, что барон безумен.

— Нет, — Барко направился к выходу, — противиться воле Бога я не стану!

— Боюсь, что это не просьба, дорогой князь...

От стены отделился немой слуга, и в свете факела блесну-

ло лезвие клинка.

— Если ты откажешься, дорогой князь, мой человек выпустит тебе кишки!— предупредил Хельмо.

— Хорошо же твоё гостеприимство, — опустил голову Вогард. — Ладно, говори, что я должен делать!

Прошло без малого семнадцать лет.

Сейчас он ехал в карете и вспоминал те события, словно они случились вчера. Он загадал то желание, которое заставил его произнести барон. После чего немой слуга вывел полуживого от страха князя наверх.

Всю ночь в замке слышались странные звуки, а в отдалённом крыле — женский смех. Князь выглянул в окно, и увидел блуждающие огоньки.

— Что там? — спросил он слугу, принесшему ему ужин.

— Где? — не понял парнишка.

— Вон там, видишь? — Вогард показал рукой на огоньки.

Парень посмотрел в окно, после чего стал пятиться к двери и осенять себя крестным знамением.

— Что там, ответь! — преградил ему дверь Барко.

— Кладбище Бесборгов! — ответил юноша, стуча зубами.

— А Каю похоронили там? — продолжал допытываться Барко.

Парень закивал, и бросился бежать.

Утром Вогард обнаружил под дверью записку от барона.

Тот благодарил князя за визит, и выражал надежду, что он посетит Бесборг в следующем году. А пока, его карета,

запряжённая свежими лошадьми, ждёт внизу. Барон вынужден отправится по делам в Клевец, и ему бесконечно жаль, что он не сможет проститься с Барко лично.

Ни слова о воскрешении.

Слуги сновали по замку, как бесплотные тени. Вогард пытался разговорить горничную, но та ни слова ему не ответила, из чего он заключил, что она глухонемая.

Но и кучер попался ему не очень-то разговорчивый.

— Давно ли уехал барон? — спросил его князь.

— Да кто его знает, — пожал тот плечами, — я никого не видел!

Приехав в своё поместье, где его дожидались беременная жена и маленький сын, Барко почти забыл про барона Бесборга. Лишь огненный взгляд Химеры жёг его в страшных снах. А после до него дошли слухи, что Хельмо выгнал из замка всех слуг и уединился там с особой, очень напоминающей его покойную жену.

С тех пор Вогард стал одержим мыслью снова попасть в подвал. Его сдерживало одно — он не знал, что ему пожелать, и главное, не знал кому бы он мог доверить произнести желание.

Когда погиб его единственный сын, Барко возжелал его воскресить. Осталось решить две задачи: попасть в подвал замка и найти того, кто пожелает, чтобы его сын, Освальд, воскрес.

Внезапно его осенило — Маргит! Его дочь сделает и то,

и другое!

Никто из соседей Бартойи не захотел отдавать ему своих благородных дочерей, а он, Барко, отдаст.

Князь не стал говорить дочери о том, что задумал — девочка могла всё испортить. Он просто поставил её перед фактом, что нашёл ей наконец, подходящего жениха.

Княгиня, мать Маргит, также осталась в неведении, но зная, что Бартойя — герой войны и фаворит короля, решила, что муж наверняка почувял выгоду от брака дочери с этим человеком. Она благословила Маргит, и провожая её в Бесборг, выразила надежду, что вскоре они вновь увидятся на свадьбе.

Укус змеи

— Ваша милость, мы его доставили! — запыхавшись, доложил Свистун. — Он дожидается вас в часовне!

— Почему в часовне? — удивился граф.

— Говорит, что если вы захотите его убить, то возьмёте грех на душу, поскольку он ни в чём не виноват!

— Любопытно, — Бартойя отложил перо, которым пытался выписать своё имя. Не пристало ему, графу, подписываться не пойми как. — ну, пошли поглядим!

В часовне было темно — сквозь узкие окна проходило мало света. Двое стражников держали за руки плотного человека. Дьюла подошёл к пленнику и сорвал мешок с его головы. Бородач закрутил головой, и наконец поднял на графа тяжёлый взгляд.

— Перед вами разбойник, Бьорн, известный, как «медведь»! — шепнул своему господину Раду.

— А ты такой, как мне и рассказывали, — разглядывал разбойника Дьюла. — и с каких это пор ты, Бьорн-медведь, нападаешь на девушек?

— Это не я, — покрутил головой пленник, — я не нападаю на женщин!

— Может быть, это сделал кто-то из твоих людей, а, Бьорн? С целью выкупа, а может просто ограбить хотел? Или порезвиться с девчонкой?

— Нет, — коротко ответил Бьорн. — я бы знал.

Дьюла несколько мгновений смотрел ему в глаза, после чего спросил:

— А кто это мог сделать?

Бьорн-медведь посмотрел на свои мощные, натёртые путями руки и опустил голову.

— В лесу, кроме нас, много кто ходит, — ответил он, — есть и те, кого не так-то легко заметить. Мои люди несколько раз видели чужака, пытались преследовать его, но тот... каждый раз он словно растворялся в воздухе!

— Хорошо. Ты знаешь, Бьорн, за твои делишки тебя ждёт виселица, — граф похлопал разбойника по плечу, — но я... пожалуй я отпущу тебя, и даже награжу, если ты... если ты узнаешь, кто натянул ту верёвку, о которую споткнулась лошадь моей невесты.

Раду громко кашлянул, после чего отозвал Дьюлу в сторону.

— Господин, его нельзя отпускать, — прошептал он, — Это разбойник! Он убивал и грабил приличных людей на протяжении десяти лет! Вы должны наказать его, господин, а не отпускать!

— Я знаю, что делаю, — так же шёпотом ответил Дьюла, — мне важно знать, кто устроил ту засаду, и этот разбойник может быть мне полезен!

— С чего бы ему вам помогать? — язвительно прищурил глаза бывший шут, — медведь он и есть медведь!

— С того, что я обещал ему щедрую награду, — Дьюла отвернулся и скрестил руки на груди, давая оруженосцу понять, что всё равно поступит по-своему.

Отпустив своих людей, граф наконец остался один. Из его покоев был отдельный вход в подвалы замка. Граф взял из шкатулки красного дерева ключ, и спустился в свою тайную подземную келью.

Несмотря на то, что Дьюла Бартойя был неграмотен, он привёз из похода три книги. Все они, судя по богатым окладам, стоили целое состояние.

Дьюла любил рассматривать их, прикасаться к страницам. Ему казалось, что они заряжают его древней мудростью. Одна книга была написана арабской вязью и в ней не было картинок, зато между страниц Дьюла обнаружил закладку, чем-то напоминавшая змею. Она была украшена богатой вышивкой, и, как хотелось думать Дьюле, к ней прикасались изящные пальчики девушки, в жизни которой он стал единственным. Это был священный Коран, который Дьюла, кроме всего прочего, унёс из дома её отца-вельможи.

Другая книга, настоящий фолиант, была написана на латыни, и некоторые буквы были знакомы Дьюле. Книга имела тяжёлую обложку из толстой буйволиной кожи, и была богато иллюстрирована весьма подробными рисунками устройства человека изнутри.

Бартойя, как заправский убийца и так неплохо знал это устройство: ему пришлось повидать немало трупов: разруб-

ленных надвое, с вывороченными кишками и разбитыми черепами. Он видел, как выглядит на самом деле человеческое сердце — такое не забыть.

Но гораздо более первых двух, его привлекала третья книга, являвшая ему вещи весьма необычные. В той книге было мало текста — и он представлял собой совершенно непонятные каракули. Каждая литера — сама по себе рисунок.

Внутри, между двух деревянных дощечек, располагались тонкие, плотные страницы. На них были изображены сценки, запечатлевшие события из жизни какого-то важного человека. Может быть, самого «Жёлтого императора». Вот он разговаривает с какими-то мудрецами в широкополых шляпах, а эта картинка изображает богатый пир. Люди, изображённые на картинках, были с глазами-щёлками. Дьюле нечасто приходилось встречать таких.

Однажды, в замке короля он видел посла из Дальних земель, и тот был похож на изображённого в книге старика. Позже он видел женщин-рабынь, захваченных пиратами, и продающихся на невольничьем рынке. Мужчин ему видеть тоже доводилось, но, как правило, мёртвых. В последней крепости, куда с товарищами ворвался Дьюла, были одни мертвецы. Все они были подданными «Жёлтого императора».

Картинки были цветными, но кожа изображённых на ней людей была белой, а не жёлтой. Женщины изображались в одеяниях с широкими поясами, с высокими причёсками, как

у придворных дам в замке короля Иштвана.

Но больше всего графа занимали фривольные картинки, изображающие сценки, где женщины и мужчины принимали весьма необычные позы и изображались голыми. Эти картинки не вызывали у графа ничего, кроме снисходительной улыбки, но он любил их подолгу разглядывать.

Незаметно для себя он задремал, и к нему явилась юная персиянка. Девочка села ему на колени и обвила его шею руками, лишёнными браслетов, украшенными лишь рисунками из хны. Изящные пальчики юной красавицы ласкали его лицо, а её бёдра двигались, заставляя его чувствовать стеснение в паху.

«Нужно снять одежду», — подумал он, но открыв глаза, резко вскочил и схватившись за шею, сделал два резких движения. Секунда, и разрубленная надвое змея оказалась на каменном полу.

Дьюла зажал пальцами ранку и выругался. Ядовитая гадина успела его укусить, и хоть граф успел убить её до того, как она выплеснула весь запас смертоносного яда — он почувствовал головокружение.

Осторожно держась за стены, он поднялся в свои покои, и позвонил в колокольчик, после чего потерял сознание.

Знахарка

Услышав о несчастье, постигшем графа, мельничиха пообещала своему тёмному богу богатую жертву. Для Лорны открывалась великолепная возможность проникнуть в замок на вполне законных основаниях.

Она вымылась в бочке с дождевой водой, надела своё лучшее платье, и надушила волосы вытяжкой из особого сорта роз.

— Куда вы собрались, матушка? — осмелилась спросить Бьянка, но мачеха смерила её таким взглядом, что у той пропала охота задавать вопросы.

— Пойду разужнаю, что там, да как, — тем не менее, ответила она, и потрепав девушку по щеке, добавила: — всё для твоего блага, птичка моя! Принеси-ка мой плащ!

Когда девушка вышла, мельничиха открыла тайник, замаскированный в каменной кладке стены, и достала оттуда пузырёк тёмного стекла. Внутри было средство, которое на протяжении многих лет превращало её мужа в безвольного раба. И любого могло превратить. Надёжно спрятав флакон в пояском кармане, ведьма закрыла тайник.

Вернулась Бьянка и помогла мачехе надеть коричневый плащ с объёмным капюшоном, надёжно скрывающим лицо от любопытных глаз.

Ведьма отправилась в Бесборг пешком. Она рассчитывала

остаться в замке на несколько дней, а может (чем чёрт не шутит?), и навсегда.

Охранники знали её, как жену мельника, ведь Лорна всегда восседала на козлах повозки рядом с Яношем, когда тот возил муку на хозяйскую кухню. Она была красотка и обращала на себя внимание.

Однако, одну они видели её впервые.

— Эй, красавица! — окликнул её невысокий, похожий на крысу страж. — не хочешь сообщить нам, куда торопишься? И где твой муженёк?

Лорна остановилась и повернувшись к нему, сняла капюшон:

— Я честная женщина, что за намёки?

— Я знаю тебя, — продолжал охранник, — твой муж мельник. Мне он показался староват для такой горячей лошадки, как ты. Или я не прав?

Лорна вразвалочку подошла к нему, и смерив его взглядом, обронила:

— Это так заметно?

— У меня глаз намётан, — сразу приосанился стражник, — слушай, я бы мог тебя объездить... скажем, после заката. Моя смена закончится, и я буду в полном твоём распоряжении, красавица. Подходи к воротам.

— Непременно приду, — мило улыбнувшись, Лорна подхватила юбки и направилась к небольшому входу, куда обычно они с Яношем заносили муку.

Стражник проводил её взглядом, на губах у него играла блаженная улыбка, он предвкушал вечернее свидание. Вдруг на плечо ему упал пудовый кулак его товарища.

— И куда она направилась? — спросил он, вытирая ладонью жирные губы.

Он обедал, и наблюдал разговор приятеля с мельничихой в окно.

— На кухню, как всегда, — быстро сообразил тот, — узнать, сколько муки нужно привезти в следующий раз!

Оказавшись в огромном помещении, где находилась замковая кухня, Лорна поначалу растерялась. Ей приходилось бывать только снаружи, дальше им с Яношем нужды ходить не было: шустрые работники в белых колпаках растаскивали мешки с мукой, точно муравьи хлебные крошки.

Лорна прошла мимо дымящихся котлов, бочек с фруктами, стола, обогрённого кровью, где не обращающий на неё никакого внимания мясник разделывал тушу какого-то животного, и, наконец оказалась перед двумя похожими дверями. Она толкнула первую, и оттуда на неё повеяло холодом, это был ледник.

Закрыв дверь, мельничиха открыла вторую дверь, и перед ней открылся обширный зал — трапезная, где очевидно, проходили все званые обеды и прочие торжества. Огромный камин остыл, да и в самом зале было пусто.

Лорна пошла к столу. Эхо её шагов гулко разносилось вокруг. На столе стояла забытая ваза с фруктами. Вокруг них

уже вились мелкие фруктовые мушки.

Вдруг раздался громкий скрип сзади. Лорна замерла. Она заранее приготовила речь, на случай, если её задержат.

— Кто ты? — услышала она мужской голос, но обернувшись, никого не увидела.

— Я знахарка, — сказала она, — Слышала, что нашего господина укусила змея. Я могу поставить его на ноги!

— Неужели? — голос прозвучал совсем рядом, и перед ней возник низкорослый мужчина, — рад сообщить, что хозяину, которому я служу, намного лучше. Вряд ли твои услуги потребуются!

Он прошёл мимо неё, задев слегка. Лорна узнала коротышку: не раз видела его рядом с Дьюлой. Это был оруженосец и правая рука Дьюлы, которого все звали Раду или просто «Свистуном».

Лорна видела его издалека, теперь же ей стали видны все подробности его облика: морщины и застарелые шрамы, а также богато расшитый камзол, слишком роскошный для оруженосца, и больше подходивший шуту.

В свою очередь, серые глаза Раду изучали женщину.

— Так кто ты на самом деле? — спросил он, склонив голову набок, словно толковый пёс.

— Знахарка, — повторила она, — Зовут меня Лорна, я живу внизу, на мельнице Яноша. Он мой муж.

— А! Вон какую птичку к нам занесло! — оруженосец достал из кармана яблоко, и потеряв его о свой сюртук, надку-

сил с громким хрустом. — Продолжай! — сказал он с набитым ртом.

— Услышав, что графа укусила ядовитая тварь, — стараясь выглядеть милой, прощепетала Лорна, — я не медля, бросилась сюда. Со мною травы, которые помогут быстро вывести яд.

— Занятно, — снова послышался громкий хруст, — оставь их на столе, дорогая, и можешь быть свободна. Мы проверим их действие, и если они так хороши, как ты говоришь, тебя ждёт награда!

— Как скажете... — она смотрела на коротышку с обожанием, как мать смотрит на любимое дитя, — как я могу вас называть?

— Раду, — прижав руку к груди, поклонился он. — я всего лишь преданный слуга моего господина! Ступай, дорогая. Найдёшь сама дорогу?

— Не беспокойтесь, — нежно шепнула она, но внутри всё кипело. Лорна была в ярости.

— Эй, подожди! — крикнул ей вслед оруженосец, — а целебные травы?

— Видите ли, их нужно правильно приготовить! Одна ошибка, и ничего не выйдет, — не оборачиваясь, сказала она.

— Так научи меня, красотка. Я всё исполню в точности! — пообещал оруженосец.

— Это старый семейный рецепт, — Лорна повернулась

к Свистуну, и гордо вскинула голову — единственная ценность, которая у меня есть! И я не стану её выдавать ни вам, ни кому-бы то ни было! Вдруг вы приготовите не так? Кто станет отвечать?

Раду на несколько мгновений задумался, и, наконец, согласился.

— Ну, хорошо. Иди за мной, знахарка, я доложу хозяину. Скажи, что тебе нужно для того, чтобы приготовить снадобье. Всё будет предоставлено, если он согласится довериться тебе.

Приворотное зелье

Раду не лгал: его хозяину действительно стало лучше. Тем более, что молодая княжна сидела у его постели, и рассказывала истории, которые вычитала из книг, хранившихся в библиотеке князя Барко. Сейчас она рассказывала своему жениху о зловещих морях, по имени Синдбад. Её голос журчал как ручеёк, и действовал на графа умиротворяюще.

Дьюла слушал княжну, прикрыв глаза, как когда-то в детстве свою матушку. Многообразие мира он познал не по книгам, а захватывая чужие города, разграбляя их казну, убивая защитников и тех, кто не желал склонить головы на милость победителя, короля Иштвана.

Бартойя старался не думать о том, что те, кого он убивал, были обычными людьми, такими же, как и он сам.

— Вы прекрасная рассказчица, — похвалил он Маргит, когда она закончила рассказ. — Расскажите что-нибудь ещё, столь же занимательное!

— Вам непременно нужно выучиться грамоте, граф, — на мгновение нежные пальцы Маргит коснулись его лица, — тогда вы сможете читать сами. Перед вами откроется целый мир!

— А я уже, между прочим, кое-что изучил! — с гордостью ответил Дьюла, стараясь запомнить её прикосновение.

Он медленно встал, пытаясь не обнаружить свою слабость

перед девушкой, подойдя к столу, перевернул лежащий на нём листок. Там было написано её имя — Маргит. Написано коряво, словно писал ребёнок, но лицо девушки просветлело.

— Хотите, я сама буду давать вам уроки, граф? — спросила она, смущаясь: всё-таки он выдавший виды воин, мужчина, намного старше её. Не оскорбит ли его её предложение?

Она смотрела на него, пытаясь угадать его мысли, а он думал о том, как не вовремя укусила его проклятая тварь. Через день, может быть два, здесь будет князь Барко, отец Маргит. Нет нужды откладывать свадьбу. Получится ли восстановить силы, чтобы не опозориться перед молодой женой?

Вот о чём думал Бартойя.

Раздался робкий стук в дверь. Это был оруженосец.

— Мой господин, — учтиво поклонился он Дьюле, а затем Маргит, — Госпожа!

— Что с тобой, Раду? Что-то случилось? — спросил граф.

— Простите, что врываюсь к вам! Там из деревни пришла знахарка. Она уверяет, что у неё с собой целебные травы, которые помогут вам восстановить силы. Однако, что-то в ней мне не нравится.

— Знахарка? — переспросил Дьюла, решивший, что это ответ на мучивший его вопрос. — Кто такая и что хочет за свои услуги?

— Некая Лорна. Из поданных Вашей Милости. Она сказала, что прибыла, как только услышала о несчастье, произо-

шедшем с вами. О награде разговора не было, но я уверен, что она не попросит много.

— Хорошо, — Дьюла добрался до кровати, и буквально рухнул на неё, — приведи её чуть позже. Я устал.

Он тепло простился с Маргит, и они условились, что она зайдёт к нему после визита знахарки. Княжна ушла, воодушевлённая тем, что её супруг сам стремится стать образованным. Она улыбалась своим мыслям, и уже представляла себе, как будут проходить их первые уроки.

Лорна, тем временем, осваивалась в замке. Она потребовала себе комнату с очагом и столом, кухонную утварь и бочку чистой воды. А также обед и фрукты, для поддержания сил.

В замке, кроме хозяина и его оруженосца, проживало около двадцати человек прислуги, а также небольшой отряд стражи, около тридцати человек. Пост начальника стражи занимал старый товарищ Дьюлы, с которым им пришлось немало пережить. Граф ему доверял.

Прислугой руководил старик дворецкий по имени Виль. Он же брал на себя обязанности церемониймейстера, когда приезжали важные гости. Но оба, и начальник стражи, и дворецкий — подчинялись правой руке графа, Раду.

Поэтому знахарке в короткий срок обеспечили всё, для приготовления целебного средства. Раду хотел было присутствовать при его приготовлении, но знахарка выставила его, сославшись на то, что никто не должен узнать тайну её се-

мейного рецепта.

Около часа знахарка готовила зелье, не покидая комнаты, а Раду оставалось только ходить около запертой двери, сожалея, что в данном помещении нет секретного слухового окна.

Наконец, звякнул колокольчик — знахарка извещала оруженосца, что средство готово.

Оруженосец, в компании двух стражников вошёл в помещение. Сильно пахло палёной травой, какой-то горечью и ещё бог знает, чем.

— Ты должна испробовать средство до того, как мы дадим его нашему Господину, — сказал Свистун. — на глазах у этих людей, он кивнул на стражников.

— Конечно, я могу, — щёки Лорны залила краска, — но вот незадача! Это средство для мужчины, у женщины оно может вызвать... нежелательные вещи. Рост бороды, например. Так что, лучше пусть испробует кто-то из мужчин.

— Забавно было бы посмотреть на тебя с бородой, — Раду впервые улыбнулся Лорне, представив себе такое. — Ты могла бы зарабатывать в цирке господина Мальтуса!

Стражники засмеялись, а Лорна, ничуть не обидевшись, обратилась к ним:

— Ну, мужчины! Кто из вас рискнёт опробовать моё средство? Оно способно утроить ваши силы! Может, ты? — обратилась она к молодому здоровяку.

Раду и второй стражник уставились на него.

— Давай, Том, — подбодрил здоровяка его товарищ.

— Да меня матушка-природа и так не обидела, — про-
басил тот, я не знаю, куда силушку девать! Может быть ты,
Михал? Могли бы тогда побороться.

Сухощавый Михал подумал, и махнул рукой,

— Эх, ладно! — он взял из рук Лорны стакан средства, и
поднял его на головой: — за здоровье Его Милости, графа
Дьюлы!

И выпил. Три пары глаз внимательно наблюдали, как дёр-
нулся его кадык.

Выпив, Михал покрутил головой:

— Забористая мерзость! — просипел он, и повернулся к
знахарке, — что ты туда добавила, а?

— Ничего такого, что могло бы тебя убить, — проворко-
вала Лорна, забирая у него стакан. — вскоре ты почувству-
ешь себя богатырём, Михал. За добавкой прибежишь!

— Михал, никуда не отлучайся из замка, — попросил Ра-
ду. И приходи ко мне через пару часов. Оценим, как на тебя
подействовало зелье госпожи Лорны.

— Господин! — поклонилась та, — за два часа средство
утратит свои свойства, придется готовить новое. Мы должны
сейчас же дать его Господину.

— Вот как? — нахмурился Раду.

Он подошёл у Михалу, и глядя ему в глаза, спросил: —
как ты себя ощущаешь?

— Хорошо! — бодро ответил стражник, — ещё немного,

и смогу побороть этого здоровяка! Он толкнул Тома кулаком в плечо.

— Ладно, следуй за мной, знахарка.—вздыхнул оруженосец, — и прихвати своё зелье.

— Слушаюсь, господин Раду, — кротко улыбнулась Лорна.

Главный ингредиент она припасла для Дьюлы, и теперь думала, как добавить его в средство, которое так удачно испытал на себе стражник.

Графа разбудил стук. Он увидел перед собой Раду, который оставив знахарку за дверью, дал ей возможность «улучшить» своё зелье. Воспользовавшись моментом, она достала из декольте крошечный пузырёк, и капнула в кувшинчик, в целебный отвар.

Испугавшись, что дверь вот-вот откроется, она капнула чуть меньше, чем было нужно, и теперь, спрятав пузырёк, сожалела о своей поспешности.

Наконец, дверь открылась.

— Можешь войти. — Раду дал ей возможность пройти, но во взгляде его всё ещё читалось недоверие и настороженность.

— Мой Господин! — Лорна опустилась на колени перед кроватью графа, — я приготовила средство, которое избавит вас от любой хвори, наполнит ваше тело молодостью и силой!

— Не очень-то я верю знахарям, — усмехнулся Дьюла, —

но что же ты попросишь взамен, красавица?

— Если моё средство поможет Вашей Милости, — сказала Лорна, опустив взор, — я бы хотела остаться в замке. Я бы могла лечить слуг Вашей Милости, если нужно, Вас и Вашу прекрасную невесту!

— Скоро она станет женой, — вспомнив о Маргит, улыбнулся Дьюла.

— Я могу быть полезна, — скромно поклонилась Лорна. — кроме прочего, я умею принимать роды!

— Хорошо, — согласился Дьюла, — если ты так хороша, как говоришь, можешь рассчитывать на стол и кров в замке.

— Благодарю, мой Господин! — она приложила губами к его руке, и подняла глаза: — мне нужно видеть рану.

Граф повернулся к ней другой стороной и указал на едва заметные точки, вокруг которых воспалилась кожа.

— Это похоже на древнюю магию, — покачала головой Лорна. Нацедив зелье из своего кувшинчика в стакан, она поднесла снадобье Дьюле. — но моё средство нейтрализует и её!

Граф поднёс напиток к лицу, понюхал, и осушил в два глотка.

Всё это время Лорна, не отрываясь, смотрела на него.

— Теперь ступай, — он вернул ей пустой стакан. — Раду распорядится, чтобы тебе выделили комнату.

Дьюла замолчал и посмотрел на Раду. В его взгляде читалось изумление.

— Что мой господин?! Что-то не так? — испугался оруженосец и бросился на знахарку. Схватив её за плечи, стал трясти: — тебе отрубят голову, если что не так, поняла?

— Отпусти её, Свистун, — Дьюла ощупывал свою шею и грудь. Я и правда, ощущаю силу, которой наливаются мои мышцы.

Раду выдохнул, и отпустил Лорну. Дьюла посмотрел на неё, словно увидел впервые.

— Как тебя зовут, красавица?

Камилла Штайн

Камилла была восьмой дочерью графа Рустера, наследника некогда знатного, но на тот момент едва сводящего концы с концами рода. Когда девушке исполнилось пятнадцать, её представили ко двору. Камилла была нежна, как нераскрывшийся бутон: тёмные волосы, фиалковые глаза, фарфоровая кожа. Многие обращали на девушку внимание, и вскоре она получила несколько брачных предложений.

Родители выбрали самое выгодное — от барона Штайна. Слухи о богатстве барона заставили родителей Камиллы закрыть глаза на огромную разницу в возрасте, жениху было почти шестьдесят.

— Он же старше моего дедушки! — причитала девушка, обращаясь к матери, — я не желаю быть его сиделкой! Мне гораздо больше по душе Морис Лейден!

— Какая ты у меня глупышка, — смеясь, отвечала графиня. — Чем старше муж, тем лучше. Тем раньше он уйдёт на небеса, а ты станешь богатой вдовушкой. Вот тогда *ты* будешь выбирать, а не тебя!

— Но Морис...

— Твой Морис, по сравнению с бароном Штайном, нищ! — вступил в разговор отец, — и наш ответ таков: ты станешь женой барона Штайна. В противном случае, можешь прямо сейчас идти к своему Морису. Есть луковую похлёбку и про-

зять в сарае, который он гордо называет замком!

Графиня с укоризной посмотрела на мужа и обняла дочь. Камилла разрыдалась ей в плечо. Граф допил кружку пенистого эля и протяжно рыгнул.

Через две недели Камилла стала женой старика.

Богатство барона едва ли превосходило его скупость. К тому же, он был ещё весьма крепок физически, и мечтал о наследнике. Дважды в неделю он требовал от молодой жены исполнения супружеского долга, и пыхтел над ней, в то время как она боролась с приступами тошноты от запаха его старческого тела.

Однажды он заметил это, и высказал ей, что если она не изменит своего отношения к нему, он будет вынужден её наказать. И баронесса стала голодать: за день до визита мужа, она ничего не ела и не пила, чтобы не случилось конфуза. Однако, стало ещё хуже: голод обострял обоняние. Лишь через год ей удалось привыкнуть, но близость с мужем все равно воспринималась ей, как повинность.

Когда долгожданная беременность наступила, барон, наконец, оставил молодую жену в покое. Для Камиллы настала счастливая пора — она совершала прогулки по старинному парку, принимала у себя подруг, а ненавистного супруга наблюдала только за завтраком.

Но едва сын немного подрос, стало очевидно, что малыш нездоров, скуден умом. Тогда барон стал подозревать, что ребёнок не от него. Хмурым осенним утром он ворвался в

детскую, в тот момент, когда молодая баронесса была с сыном одна.

Несмотря на неприязнь к супругу, Камилла обожала своего ребёнка. И оттого, что он был неполноценен, любила его ещё больше. Она взяла малыша на руки, целовала его маленькие пальчики, перебирала его редкие, светлые кудряшки.

— Сударыня, вам необходимо объясниться! — заорал на неё барон. — Извольте положить ребёнка!

— Не кричите, сударь, вы напугали малыша! — укоризненно посмотрела на мужа Камилла.

— Мне надоело, — барон понизил голос и затряс указательным пальцем перед её лицом: — надоело, что слуги смеются мне вслед! Чей это ребёнок? Отвечай-те!

Он стал вырывать сына из рук Камиллы, малыш заплакал и на шум прибежали две няньки, которых баронесса отпустила, чтобы остаться с мальчиком наедине.

— Сударь, прекратите, — баронесса ещё крепче прижимала к себе мальчика, — вы сошли с ума!

Ей удалось вывернуться и отдать ребёнка одной из нянь. После чего она закрыла их своей грудью, которая высоко вздымалась. Лицо её пылало гневом.

— Как вы смеете обвинять меня в неверности? — крикнула она мужу в лицо. — кроме вас, я не знала ни одного мужчины. Это — она показала на ребенка, — ваш сын — Тоддо! Кровь от крови, плоть от плоти!

— Я знаю, кто ваш любовник! — барон взял жену за рукав и вытолкнул из детской. Челядь расступалась перед ними, почтительно кланяясь.

Барон приволок Камиллу в помещение, где не было никакой мебели, и крикнул своему слуге через плечо:

— Привести!

Камилла не верила в происходящее, ей казалось, что она видит дурной сон. Наконец, послышался грохот, и двое слуг бросили на пол израненного человека.

— Кто это? — графиня отвернулась, не в силах смотреть на кровоточащие раны на сильном, мускулистом теле мужчины.

— Не узнаёте? — издевательски произнёс барон, и обратился к слугам: — приведите его в чувство!

Несчастливого окатили водой из ведра. Один из слуг, схватив пленника за волосы, приподнял его голову.

Когда раненый открыл глаза, губы его дрогнули, но так и не смогли сложиться в улыбку, потому что спеклись от крови.

— Моя любовь... — сказал он, обращаясь к баронессе. — Прости.

— Что вы с ним сделали? — ахнула графиня и крикнула на слуг: — боже мой, он же дворянин! Вас повесят!

— Они действовали по моему приказу, — послышался голос барона, — А Вашего любовника, сударыня, закопают в яме, как безродную собаку! Я не потреплю подобного уни-

жения!

— Но, я не знаю, как он здесь оказался! Я не видела Мориса со дня нашей с Вами свадьбы! — оправдывалась баронесса, — Меня оговорили!

Барон молча отвернулся и вышел, сделав знак слугам. Они последовали за ним. На полу остался избитый до полусмерти граф Лейден.

— Ради всего святого, что вы тут делаете? — бросилась к нему Камилла, — почему вы в таком состоянии? Из-за вас...

— Я... хотел взглянуть на вас — еле выговаривая слова, произнёс Морис. — ещё раз... не смог... не простившись... на востоке война... я хотел забрать ваш образ... с собой...

— Я поговорю с мужем, я объясню ошибку! — она коснулась кончиками пальцев его щеки, и хотела встать, но...

— Нет... стойте! Подождите... — схватил её за запястье умирающий и поднёс её ладонь к окровавленным губам, — просто побудьте со мной! Умереть на ваших руках — счастье. Камилла...

Это было последнее слово, которое она от него услышала.

— Кто-нибудь! Сюда! Помогите! — закричала баронесса, барабанив в дверь, а муж, который подглядывал за ней в специальное окошко, понял, что увиденное его возбудило.

Вошедшие через какое-то время слуги оторвали Камиллу от тела Мориса, после чего, удовлетворённый барон решил, что нашёл способ отомстить жене за её нелюбовь.

На следующее утро баронесса обнаружила себя голой, привязанной к столбикам кровати. Голова слегка болела, всё плыло, словно в тумане.

Камилла дёрнулась, но верёвки больно впились в запястья и лодыжки.

— Луиза! — позвала она служанку.

Но вместо Луизы в комнату вошёл барон. Он подошёл и провёл ледяной рукой по внутренней поверхности бедра жены. Её тело покрылось мурашками.

— Похотливая сучка! — он отвесил ей лёгкую, но обидную пощёчину и слегка присвистнул.

Послышался шум и возня, снаружи было слышно сопение и шорох сбрасываемой на пол одежды, после чего, к кровати подошли два обнажённых мужчины. Их лица были скрыты под масками.

— Она ваша, — равнодушно бросил барон, и повернувшись, удалился за ширму, откуда собрался наблюдать спектакль.

— Вернитесь, барон! Я умоляю, не поступайте так со мной! — кричала Камилла, и пыталась плевать в забравшихся в её постель мужчин, — Уйдите от меня, мерзавцы! Я узнаю кто вы, вас казнят!

Но они не слушали, и делали своё дело — и вскоре крики Камиллы затихли, а после превратились в многоголосый стон. Из-за ширмы слышались аплодисменты барона, который остался весьма доволен. Он думал, что наказал жену,

но именно в то утро она впервые испытала оргазм.

Барон объявил жене, что если она вздумает кому-нибудь пожаловаться о случившемся с Морисом, или с ней, «её ублюдка» тотчас отправят куда-нибудь подальше, в приют.

И баронесса молчала.

Через месяц она узнала, что вновь беременна, непонятно от кого, и одна из служанок, рискуя головой, доставила ей средство, выпив которое, Камилла едва не умерла.

Случился выкидыш, и почти одновременно с этим событием у Камиллы родилось горячее желание помочь барону покинуть этот мир.

Верная служанка второй раз подверглась риску, и на этот раз поставила перед своей госпожой изящный флакон с ядом. Она как раз нашёптывала Камилле способ его применения, как вдруг, ворвавшийся слуга объявил, что барона закололи прямо во время охоты.

Виновного так и не нашли, но Камилла надеялась, что это был Морис. Ей хотелось думать, что он выжил, после того, как его, бездыханного, сбросили в ров вместе с отходами.

Но это не был Морис, так как он так и не объявился. Вероятно, барона заколол наёмный убийца, нанятый кем-то из его многочисленных врагов. Камилла была ему благодарна.

Наконец она стала богатой вдовой, и могла растить сына не боясь разлуки. В это время она сблизилась с графиней Анной.

В Бесборге, куда подруги прибыли на помолвку графа, обе

чувствовали себя частью светского общества. Именно поэтому они не спешили покидать замок, а решили дожидаться свадьбы Дьюлы и Маргит. Вечерами Камилла и Анна играли с остальными гостями в карты.

Хозяин замка, а тем более, его «болезная невеста», как сперва отзывалась о Маргит баронесса Штайн, редко принимали участие в этих забавах.

Однажды гости затеяли развлечься игрой в фанты.

Каждый игрок давал свою вещь, и складывал в корзину, после чего, водящему завязывали глаза, и доставая из корзины вещь, спрашивали: «что должен делать этот фант»?

В этот раз глаза были завязаны у самой баронессы, и она весело озвучивала как именно должен развлечь играющих тот или иной участник игры.

Графине Анне, например, досталось весьма приятное задание: а именно выпить подряд два бокала вина, после чего признаться в любви любому игроку.

Маркиз Монтиньяк хрюкал, изображая свинью, а гости должны были кормить его. Молоденькая жена маркиза станцевала на столе, и спела пару скабрёзных куплетов.

Осталось трое игроков — двое мужчин и сама баронесса.

Когда из корзины был извлечён очередной «фант», она приказала его владельцу спуститься в подвал без сопровождения. И проведя там некоторое время, в абсолютной темноте, вернуться и рассказать всем «историю, леденящую кровь».

Камилла надеялась, что вещь, которую извлекли из корзины нежные ручки маркизы Монтиньяк, принадлежит кому-то из мужчин. Все разом замолчали. Баронесса сорвала с глаз повязку и увидела собственную брошь.

Для храбрости, перед тем, как спуститься, Камилла выпила вина, и оставив весёлую, хмельную компанию наверху, начала спуск во тьму. Когда она очутилась внизу, люк захлопнулся и она оказалась в полной темноте.

«Я ничего не вижу» — сказала сама себе баронесса. — «глупее ничего и не придумать».

Вдруг около неё зажёгся маленький огонёк. Потом ещё, и ещё. Вскоре, их было уже несколько — и с помощью их света, баронесса увидела стеллажи с бутылками и коридор, в конце которого что-то мерцало. Огоньки устремились туда, но баронесса не пошла за ними, ей стало боязно. Она смотрела на облачко света, удалявшееся от неё, и ждала, когда истечёт положенный срок, и сверху наконец-то откроется выход.

Вдруг облачко остановилось, и двинулось назад, к баронессе. В центре его явно выделялась фигура. Это был человек. Когда он подошёл ближе, она чуть не вскрикнула: на неё, улыбаясь, смотрел Морис. С того самого дня, как она видела его в последний раз прошло три десятка лет, но он был всё так же молод и красив, как и тогда, когда посватался за неё.

Он подошёл совсем близко и сказал одно слово:

— Камилла!

— Морис?! — отступила она, нащупывая перила — но...

как?

— Баронесса! — послышалось сверху. Время вышло! Мы ждём историю, леденящую кровь!

— Я приду к тебе, — пообещал Морис и растворился во мраке.

Огоньки, один за другим, погасли. Баронесса протёрла глаза.

— Камилла! — она узнала голос Анны, — где же вы? Поднимайтесь!

Оказавшись наверху, Камилла, подслеповато шурилась, глядя на весёлую компанию.

— У вас такой вид, баронесса, словно вы увидели призрака! — захлопала в ладоши маркиза Монтиньяк, — мы ждём обещанную историю!

— Да-да, историю, леденящую кровь! — сделал страшные глаза маркиз, и схватил жену за мягкое место, отчего та завизжала и засмеялась.

— Я... — Камилла окинула взглядом смеющиеся лица, и опустила голову: — простите, но я неважно себя чувствую... пойду прилягу.

Сославшись на дурное самочувствие, она, в сопровождении своей подруги Анны, отправилась в свои покои.

— Вы так бледны, словно и правда, увидели там что-то страшное,— Анна с тревогой посмотрела на Камиллу.

— Я видела Мориса, — наклонила голову Анна, — он совсем не постарел!

— Граф Лейден? Он жив?

— Боюсь, что нет. Это был призрак.

По взгляду подруги баронесса поняла, что Анна не верит ей, и замолчала.

— Мне побыть с вами? — спросила графиня.

— Нет, нет, вам лучше уйти, дорогая, — отозвалась Камилла. — Я устала, хочу вздремнуть.

— Вы уверены? — на всякий случай переспросила графиня.

— Уверена. До завтра, милая Анна!

Не скрывая разочарования, графиня проводила Камиллу до её комнаты, и пожелав покойной ночи, ушла.

Спустя короткое время послышался стук, и вошёл слуга баронессы, по имени Бат. Это был сильный мужчина, способный завалить медведя. Правда, в последнее время единственное, кого ему приходилось «заваливать», была сама баронесса.

— Что-то сегодня долго, — фамильярно усмехнулся он, помогая расстегнуть ей платье. — К вам опять приставал этот волокита, маркиз?

— Зачем ему ко мне приставать? У него есть молоденькая жена, — дёрнула плечом баронесса.

Она казалась рассеянной и Бат мгновенно уловил это.

— Вас кто-то обидел, моя госпожа? — спросил он, — только скажите, я сотру вашего обидчика в порошок!

— Ты так горяч, любовь моя! — нежно прикоснулась к

лицу слуги баронесса. Бат с готовностью подхватил её на руки и понёс на кровать. Аккуратно разместив её на перине, он собрался обнажить свой мощный торс, но Камилла остановила его.

— Бат, сегодня я ночью одна, — её голос был достаточно твёрд.

— Вы кого-то ждёте? — изображая ревность, спросил Бат, опуская рубаху.

— Нет, нет, просто устала, — слишком поспешно заверила его баронесса.

— Имейте ввиду, госпожа, я буду за стенкой! — грозно предупредил он её. — И любой мужчина, приблизившийся к Вашей постели, будет без предупреждения убит!

— Ах, Бат! Какой ты всё же... душка!

Она послала ему воздушный поцелуй, и он вышел в соседнюю комнату, которую делил со слугой графини, Хью. Впрочем, долго он там не задержался — замок был полон хорошеньких служанок и работниц. Красавчик Бат часто ловил на себе их восхищённые взгляды.

Он спустился в столовую, где челядь доедала остатки господского ужина и через короткое время уже уединился в чулане с юной посудомойкой, воплотившей все его фантазии даром и с большой охотой.

Баронесса долго не смыкала глаз, когда же наконец сон сморил её, кто-то коснулся её лба. Камилла открыла глаза и увидела напротив светлеющий в предрассветных сумерках

силуэт мужчины. Ей показалось, что это Морис.

— Я думала, ты не придёшь, — сказала она, — или я до сих пор сплю? Морис, я думала, ты умер.

— Я не Морис, — сказала мужчина, — Но я могу вернуть тебе Мориса.

— Как? — баронессе стало страшно: «кто это»? Ангел или сам дьявол?

— Я могу исполнить любое твоё желание, — на неё пахнуло чем-то свежим и приятным: — но, только одно!

— Ты можешь всё? — преодолевая страх, спросила баронесса.

— Моя власть не безгранична. Но, я многое могу, — ответил незнакомец.

— Кто ты?

— Ты хочешь потратить своё желание на это знание? — Мужчина встал и подошёл к окну.

— Нет.... Нет! Так ты можешь воскресить Мориса?

— Да.

— А что ты пожелаешь взамен? — голос баронессы задрожал.

— Услугу, — не оборачиваясь, ответил лжеМорис.

— Какую же? — мою бессмертную душу? — Камилла почувствовала волну страха, окатившую её. На лбу выступил холодный пот.

— Я желаю, чтобы ты убедила княжну Маргит покинуть Бесборг, — прошелестел призрак.

— Но как? — баронесса села в кровати, — мы с ней даже не подруги! С чего бы ей меня слушать?

— Убеди её, Камилла! — тонкий голос завибрировал, и словно обвалившись вниз, стал глухим и скрипучим: — А за это я воскрешу Мориса!

— Нет... не надо воскрешать Мориса, — сглотнула Камилла. — у меня есть другое желание.

— Вот как? — призрак повернулся к ней, его взгляд прожигал её. — Какое-же?

— Мой сын, Тодо... Он болен, — она почувствовала страшную жажду, и, держась за горло, добавила: — ему уже двадцать пять, но он всё ещё ребёнок. Я хочу, чтобы он выздоровел. Повзрослел. Стал мужчиной.

— Быть посему, — донеслось до её сознания. Когда она осмелилась поднять глаза, в комнате никого не было. Лишь ветерок шевелил занавеску. Камилла осторожно положила голову на подушку, и закрыла глаза.

Пробудившись, она не могла разобрать, что это было: сон или явь? В окно ярко светило солнце, и баронесса решила, что не стоило мешать шампанское с портвейном.

Маргит

Невеста придирчиво оглядела себя в зеркале, которое держали двое слуг. Роза расправляла кружево свадебного платья, которое Маргит привезла с собой, ещё не зная, придётся ли ей его надеть.

Её несколько удручал тот факт, что она почти не видела графа: тот избегал встреч, ссылаясь на занятость. А два дня назад и вовсе уехал в соседний городок, сказав, что хочет сделать покупки к свадьбе, и до сих пор не вернулся.

В дверь постучали. Княжна, думая, что вернулся жених, радостно воскликнула:

— Войдите!

Но в дверь вошёл не Дьюла, а церемониймейстер Виль. Лицо его было подвязано платком, у бедняги болели зубы.

— Князь и княгиня Барко! — старательно выговорил старик, держась за щеку. Кланяясь, он посторонился, пропуская княжескую чету.

— Матушка! — бросилась к ним Маргит, — Батюшка!

Обнимая дочь, княгиня прослезилась.

— Ты такая красивая в этом платье!словно принцесса!

Вогард был более сдержан в чувствах.

— Ты повзрослела, моя дорогая, — сказал он, обнимая Маргит, — однако, мне сказали, что твой жених в отъезде? Это странно: ведь мой человек должен был предупредить о

нашем приезде!

— Не гневайтесь батюшка! — хорошенькое личико Маргит озарила улыбка: — граф поехал за покупками к свадьбе. Он должен был вернуться ещё утром, но видимо, его что-то задержало.

— Странно, что мы его не встретили, — продолжал Князь. — В каком направлении от отбыл? В столицу одна дорога.

— Его Милость скоро будет здесь! — ответил за княжну появившийся в комнате Раду, и приложив правую руку к сердцу, поклонился князю и княгине: — я верный слуга графа. Только что прибыл человек от него, и сообщил, что карета Его Милости застряла на выезде из Йовицкого леса, и чтобы её вытащить, графу придётся ждать помощь из ближайшей деревни.

— Дорогая, тебе надо переодеться! — шепнула дочери княгиня, — не пристало, чтобы жених видел тебя до свадьбы в свадебном наряде!

Когда князь с княгиней, сопровождаемые слугами, ушли, и Маргит осталась лишь с Розой, она разрыдалась.

— Что с вами, госпожа? — удивилась служанка, — почему вы плачете?

— Не знаю, — ответила девушка, — у меня тесно в груди! И кажется, что случится что-то страшное, непоправимое!

— Должно быть, вы нервничаете перед свадьбой, — предположила служанка. — Знаете, когда я выходила за своего

Симона, я тоже ревела, глупая.

— Нет, Роза, ты не понимаешь, — Маргит покачала головой, — никто не поймёт! Я одна! Совсем одна!

— Не плачьте, госпожа, а то глаза станут красными! Граф приедет, и не узнает вас, — неумело пошутила Роза. — давайте-ка лучше снимем ваше чудесное платье!

Маргит послушно встала и позволила служанке снять с себя наряд.

Когда Роза, продолжая бормотать себе под нос, вышла из комнаты, Маргит опустилась на кровать и дёрнула шнурок, опустив вокруг себя шёлковый полог.

Она лежала в одном белье и поэтому, когда услышала странный шум снаружи, испугалась и накинула на себя одеяло.

— Кто здесь? Роза, ты? — шёпотом спросила она.

Но ответа не последовало. Лишь тень мелькнула по шёлковой ткани полога.

Маргит лежала, ни жива ни мертва, ругая себя, что не закрыла за Розой дверь. Послышался звон часов, расположенных на главной башне Бесборга. Часы пробили два раза. Стол к обеду обычно накрывали к трём.

В дверь постучали, затем раздался скрип.

— Госпожа, вы здесь? — услышала княжна голос Раду.

— Да, я здесь! — обрадовалась она, — извините, я не могу к вам выйти, я не одета..

— Так может, мне выйти, пока вы оденетесь? Я подожду

снаружи!

— Нет! — испугалась она, — не уходите, умоляю! Я боюсь. В комнате кто-то есть!

Послышались быстрые шаги. Оруженосец подошёл к кровати, и уверенно сказал:

— Здесь никого нет, моя госпожа! Должно быть, вам почудилось.

— Я видела тень! — полог дрогнул и Раду увидел перепуганное лицо Маргит. — и он дышал!

— Вы думаете, это был мужчина? — спросил оруженосец.

— Мне так показалось, — ответила Маргит, — не уходите, пожалуйста, сударь. Не оставляйте меня одну! Подождите, пока я оденусь, только отвернитесь.

Оруженосец отвернулся, а Маргит встала и закутавшись в одеяло, подошла к вешалке, где висело её повседневное платье.

— Наверное, у меня расшалились нервы, — сказала она, вдевая руки в рукава, — вряд ли кто-то из слуг посмел бы зайти в мои покои.

— Может, он спрятался под кроватью? — в голосе оруженосца слышалась озабоченность. — какой-нибудь воришка, забрёл и спрятался.

Раду видел, что девушка напугана, и считал, что нет оснований подозревать её во лжи. Когда она надела платье, он ещё раз проверил комнату, заглянув в шкаф и под кровать, но никого не обнаружил.

Поздно вечером вернулся Дьюла. Он казался уставшим и измождённым, но тем не менее, нашёл в себе силы познакомиться с родителями невесты. На Маргит он даже не взглянул, хотя она ловила его взгляд. Княгиня заметила это, и перед тем, как проститься с дочерью и пожелать ей доброй ночи, спросила, не сердится ли Дьюла на неё за что-либо.

Маргит и сама стала думать, что могла сделать или сказать нечто такое, из-за чего граф на неё обиделся.

Ночью она смотрела в потолок, снова и снова прокручивая в голове последнюю встречу с Дьюлой. Может, он обиделся, когда она предложила давать ему уроки? Это было непозволительно... высокомерно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.